
Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

ОБРАЗ АТАЛЫКА В РОМАНЕ «МЕДВЕЖЬИ КОГТИ» С.Х. МАФЕДЗЕВА

Елена Нартишаовна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2025

Аннотация. Процесс переоценки ценностей, коснувшийся различных сторон жизнедеятельности современного человека в постсоветский период, привел писателей к поиску новых аксиологических ориентиров, алгоритмов по сохранению этнической культуры. В подавляющем большинстве текстов современных авторов наблюдается тяготение к детализированным характеристикам этнографического быта, воспроизведению обычаев и традиций с целью сохранения бытующих в этносреде традиционных моделей поведенческой этики, императивов и адатных воззрений. Роман С.Х. Мафедзева «Медвежьи когти» позволяет осознать человеку свою отличительность и целостность в условиях глобализации и распространения массовой унифицирующей культуры. Рассматривая проблему в плоскости «свое – чужое», автор ярко и выразительно подчеркивает особенности менталитета адыгов, психологический портрет нации, ее моральные нормы. Образ аталыка. реконструирует менталитет и личностное мировоззрение далеких предков в канун Кавказской войны, позволяет познакомиться с системой воинской подготовки, выявить нравственно-этические принципы и правила, этнокультурные стереотипы поведения.

Ключевые слова: С.Х. Мафедзев, роман «Медвежьи когти», образ аталыка, черкесский этикет, военно-физическая подготовка, менталитет адыгов, психологический портрет нации

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Образ аталыка в романе «Медвежьи когти» С.Х. Мафедзева // Вестник КБИГИ. 2025. № 2 (65). С. 101–108. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

Original article

THE IMAGE OF ATALYK IN THE NOVEL “BEAR CLAWS” BY S.KH. MAFEDZEV

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2025

Abstract. The process of revaluation of values, which affected various aspects of modern human life in the post-Soviet period, led writers to search for new axiological guidelines and algorithms for the preservation of ethnic culture. In the vast majority of texts by modern authors, there is a tendency towards detailed characteristics of ethnographic life, the

reproduction of customs and traditions in order to preserve traditional models of behavioral ethics, imperatives and adaptive views prevailing in the ethnic environment. S.H. Mafedzev's novel "Bear Claws" allows a person to realize his distinctiveness and integrity in the context of globalization and the spread of a mass unifying culture. Considering the problem in the "friend-foe" perspective, the author vividly and expressively emphasizes the peculiarities of the Adyghe mentality, the psychological portrait of the nation, and its moral norms. The image of Atalyk reconstructs the mentality and personal worldview of distant ancestors on the eve of the Caucasian War, allows you to get acquainted with the system of military training, identify moral and ethical principles and rules, ethno-cultural stereotypes of behavior.

Keywords: S.Kh. Mafedzev, novel "Bear Claws", the image of Atalyk, Circassian etiquette, military and physical training, the mentality of the Adyghe, the psychological portrait of the nation

For citation: Betuganova E.N. The image of Atalyk in the novel "Bear claws" by S.Kh. Mafedzev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 2 (65): 101–108. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-2-65-101-108

Важное место в художественной системе образов романа «Медвежий кот» занимает образ аталыка Хашамахо. Через него в романе появляется возможность познакомиться с системой воинской подготовки, выявить общие для всего этноса нравственно-этические принципы и правила, этнокультурные стереотипы поведения.

Свое повествование автор начинает с детального описания быфыкъуэ (воспитанника) Джамбулата, которого Хашамахо взял на воспитание из княжеской семьи Жанхота Кушука. Автор подчеркивает, что Джамбулат разительно отличался от своих сверстников: «*Псоми ятеклуэрт, къахэщырт Жанхуэрт Кушыку и къуэ Джамболэрт*» [Мафедзев 1998: 31]. – «Среди всех выделялся Жанхот Кушуко, сын Джамбулата» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Безупречное воспитание, строгость в следовании правилам и нормам этикета, умение сидеть на коне, владеть оружием односельчане связывали с именем аталыка Хашамахо: «*Пэж дыдэу, Джамболэрт зи гъукIэгъэсэн, и быфыкъуэ адэ ХъэщIэмахуэ ещхъ хъужат, ар ирей и хъэл, и лыгъэ, и акъыл зэтесу щыретит*» [Мафедзев 1998: 28]. – «И в самом деле, Джамбулат стал похож на своего аталыка Хашамахо во всем: будь то характер, мужество, ум» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Образ аталыка Хашамахо, одного из главных героев романа, позволяет понять, какие качества в большей степени культивировались в адыгском обществе, что ими ценилось превыше всего. Качества, которые привил Джамбулату аталык Хашамахо, проявились во время проведения Хасы. Юный князь демонстрирует благовоспитанность, идеалы рыцарской морали, а именно: уважительное отношение младших к старшему. Согласно этикету, самый младший из спутников должен занять место с левой стороны. Однако соотношение «старший/младший» определялось не только возрастными параметрами, но и положением в обществе. Джамбулат, будучи княжеского происхождения, во время проведения Хасы сел слева от Билостана, чей социальный статус был ниже. Мнения относительно поведения Джамбулата разделились: одни разглядели в княжеском отпрыске внутреннее благородство, другие расценили его поступок как неуважение к себе, к своему статусу. Но самый главный судья – отец Жанхот – был горд, что сын поступил именно так. «*Хуэпэжщ и атэлыкъым, ХъэщIэмахуэ мыгъуэм къыхилхъа хъэщ. Абы тет, си щIалэ, зумыгъэпIий, зумыгъэщIагъуэ, щыпхуэфакъэм и деж зыщIыпIи кIуэнкъым, укъальагъуниц*» [Мафедзев 1998: 62]. – «Оправдал своего аталыка Хашамахо. Веди себя сдержанно, скромно, сын мой, не выпячивай себя, когда ты заслужишь уважение народа, о тебе заговорят» (Подстр. пер. – Е.Б.).

По черкесскому этикету, каждому человеку старшего возраста необходимо было оказывать знаки внимания. Эти знаки внимания оказывались вне зависимости от социального происхождения. Ф. Торнау в связи с этим сообщал: «Лета у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения

обязан уступить место старшему. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь» [Торнау 1992: 39]. Здесь проявилось и другое ценное для адыга качество – сдержанность. «Скромность, – отмечает Хан-Гирей, – почиталась в старину между черкесами первым украшением человека» [Хан-Гирей 1989: 129–130]. Народная мудрость гласит: *«ЖъантIакIуэу уцымит – пхуэфацизмэ къыплъысыниц»* – «Место старшего не занимай – если оно положено, оно тебе достанется». Таким образом, поведение Джамбулата говорит о великольном знании княжеского этикета. В то же время можно сделать вывод о том, что в основную программу воспитания аталыка Хашамахо входило знание обычаев, этикета. Адыгская поговорка гласит: «Самый малютка княжеский похож на взрослого». Пословицу трактовали следующим образом: отданные на воспитание наиболее достойным узденям дети княжеского происхождения развивались быстрее, чем дети простых людей. Это означало, что они лучше знают обычаи, подходящие к каждому случаю, не говоря о том, что они приобретают лучшие манеры, имея в этом образцом для подражания наиболее элегантных людей» [Атажукин 1991: 176].

Воспитание у аталыка, прежде всего, преследовало получение воспитанником военно-физической подготовки. Фундаментальным принципом адыгской нравственно-этической системы воспитания было мужество, смелость, особое философское отношение к смерти как итогу жизни. Значимость мужества как нравственной нормы, характеризующей личность, была обусловлена воинским образом жизни, характерным для адыгского общества, постоянной необходимостью защищать от внешних посягательств свою землю, семью, народ.

Взятый на воспитание ребенок находился в семье аталыка до совершеннолетия – 15–16 лет. До этого времени отец не имел права видеть своего ребенка. Со стороны родителей было предосудительным справляться о своем сыне в течение всего времени нахождения его у аталыка. По черкесскому этикету, которого строго придерживались князья и дворяне, в присутствии посторонних отец не мог находиться вместе со своими детьми до их совершеннолетия [Мирзоев 2021: 219]. По мнению Адиль-Гирея, одной из причин существования аталычества было то, что «воинственные черкесы боятся избаловать своих детей, воспитывая их у себя, а потому охотно отдают на воспитание в чужие семейства» [Адиль-Гирей 1980: 57]. Считалось, что родители испытывают слишком сильную любовь к своему ребенку, и не смогут воспитать из него настоящего мужчину и воина. Они окружали его заботой и любовью, что препятствовало его возмужанию. Говоря о такой специфике взаимоотношений родителей и детей, И. Бларамберг писал: «Вообще, создается впечатление, что черкес старается избегать всего, что говорит о его привязанностях и радостях, видя в этом проявление слабости; считалось даже неприличным говорить с ним о его детях, особенно, когда они маленькие» [Бларамберг 1992: 105]. Отданные в младенчестве на воспитание дети только в юношеском возрасте впервые видели своих отцов.

«Представления о трусости и храбрости, надо заметить, были весьма оригинальны» [Бгажноков 1983: 105], – пишет Б.Х. Бгажноков. Так, о храбрости или трусости человека можно было судить по жилищу, в котором он живет. Особо значимо и весомо было для адыга, из какого материала был сооружен дом. В контексте сказанного интерес представляет один эпизод в романе. Отец Джамбулата – Кушук – построил для своих односельчан красивую мечеть, за что народ был ему бесконечно благодарен. Но вот что было удивительно: когда он решил из тех же строительных материалов построить дом для сына, у сородичей это вызвало обратную реакцию: *«Кушыку урыс пацтыхъым и подполковник хъури адыгагъэу къыхэнэжа цыIэкъым: шынэкъэрабгъэц, и лыгъэм цымыгугъыжу мывэ сэррей гур зыгъэбамIэу, бауанIэ къозымытым и блыным къуэтIысхъэжац»* [Мафедзев 1998: 138]. – «Про него говорили, что с тех пор, как он стал служить в русской армии, он стал трусливым, не надеясь на собственные силы, он построил каменный

дом, чтобы укрыться и спрятаться в этом доме от всякого рода невзгод» (Подстр. пер. – Е.Б.).

Его сын Джамбулат, даже если приезжал погостить, всегда останавливался в старом ветхом доме бабушки Жанхота, напрочь отказавшись посетить каменный дом. Много споров было у матери и сына. Но сын Джамбулат оставался непреклонен. Истинную причину такого поведения сына понимал только отец. Разве мог Хашамахо, аталык сына, по-другому воспитать его? Конечно, он понимал, что, если бы он потребовал неминуемо выполнить свою просьбу, сын послушался бы. В этом тоже была заслуга Хашамахо: Джамбулат навсегда запомнил его завет ни в коем случае не прекословить родителям, особенно отцу.

Как видно из содержания романа, для Джамбулата слова, сказанные аталыком, значили больше, чем отца Кушука. Вопреки просьбе своего отца, воспитанник придерживался в большей мере заповедей Хашамахо.

Такое нежелание жить в каменном здании было связано с боязнью прослыть малодушным и трусливым воином. Показательно одно из сообщений Дж. Интериано: «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, и вследствие этого все живут в вышеописанных лачугах и в деревушках, и нет ни одной, даже самой маленькой крепости во всей стране, и хотя встречаются какие-то башни и древние крепостные стены, но их используют для себя крестьяне, так как благородные сочли бы это для себя позором» [Интериано 1974: 95]. Это само по себе очень наивное объяснение в то же время рельефно отражает умонастроение адыгской феодальной знати. Прекрасно понимая, что уличенному в трусости никогда не удастся смыть с себя позор, Джабулат так и не посетил дом, построенный Кушуком.

И стар и млад восхищались умением Джамбулата величественно держать себя на коне, владеть оружием. На протяжении всего романа рефреном повторялась заповедь Хашамахо: «*Абы и псалъэц: уи Іэцэ къыщипхынур уэ пцІэжынц, ауэ уи Іэцэрэ уишрэ нэгъуэщІым унафэ хуумыгъэщІ, ухагъэзыхькІэ уи Іэцэ зэкІырумых*» [Мафедзев 1998: 295]. – «Его слова: ты сам поймешь, в какой момент ты должен применить оружие, а самое главное: никому не позволяй управлять своим оружием и конем» (Подстр. пер. – Е.Б.). Такая строгая установка проистекала из методов воспитания, учивших воспитанников превыше всего ценить свободу.

Причину столь строгого требования можно найти в содержании историко-героических преданий. Общим местом является рассказ о том, как идеальный герой даже на зов среди ночи выходит из дому уже наготове, держа в одной руке свое оружие и снаряжение, а в другой – снаряжение коня. «Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, отмечает к пользованию оружием и управлению лошастью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем» [Мариньи де Тебу 1974: 293]. Адыгская мудрость гласит: «*Лыгъэ зІлэм Іэцэр ейц*» – «У кого есть мужество – у того оружие». Почитание оружия являлось составной частью сложившегося у черкесов культа. В античную эпоху, как свидетельствуют материалы археологии по Северо-Западному Кавказу, предки черкесов – меотские племена – поклонялись мечу – символу бога Ареса. Самой большой ценностью для черкесских аристократов было не золото, не серебро, не стада скота и другое имущество, а оружие. Особенно ценилось оружие, принадлежавшее предкам, прославившим род своими подвигами, имевшее свою историю. Такое оружие не имело материального эквивалента. По черкесским обычаям, отнятие у человека оружия равносильно лишению чести. Большим позором считалась потеря оружия. «Смерть наездника в бою – плач в его доме, а потеря оружия – плач в целом народе», – гласила

черкесская пословица. Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во время войны часто завязывались отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого. В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, черкесы приводили его в негодность.

Отношение воина-адыга к оружию автор показывает в эпизоде с гонцами, отправившимися на переговоры. Неотъемлемым атрибутом адыгского костюма было оружие. Это вызвало возмущение со стороны Михаила Бековича, который давно был жителем Москвы, ассимилировался в среде русского общества и был далек от устоявшегося мировоззрения своих сородичей. Джамбулат – воспитанник Хашамахо – был непоколебим в своих убеждениях: *«АмIэ апхуэдэ адыгэлI дэнэ здэщылэр Iэцэннэм и Iэцэ къыхурихыу? Ар хъэдэгъуэдахэщ, емыкIуш, абы ещхьыркъабзэщ Iэцэ къэбгъанэу, бгы утхъуцIу уэрам утэхъэнри, губгъуэ уихъэнри, цIыху и пащхъэ уиувэнри, ар хъэдэщIэлъхъу, кхъэуэ цыцымыткIэ»* [Мафедзев 1998: 294]. – «Но где такой воин, кто у безоружного оружие забирает? Это парадокс. Как можно, будучи без оружия, отправляться в поле, или оказаться среди людей?». (Подстр. пер. – Е.Б.). Автор сравнивает безоружного воина, отправившегося в путь, с человеком, самовольно вырывшим себе могилу. «Смерть – это свобода», – говорили черкесские воины. Свободу воина гарантирует его оружие и право его применения. Джамбулат отчетливо понимал: он свободен, пока вооружен.

Как бы его ни пытались переубедить, Билостан и Касбот причем напоминая ему о заповеди отца *«Губжъыр зытедвмыгъэгъакIуэ, ди псэм дытевмыгъэлажъэ»* – «Пусть злоба нас не победит, и душа будет крепкая», Джамбулат остался непреклонен: слова аталыка были весомее. *«Къэсбот, унэхъыжыщ, – жиIащ Джамболэт, – ауэ хъуэ. Сэ мыбы зуакIуэ сыккъэкуакъым. Си Iэцэрэ зэкIэрысхыну схузэфIэкIынукъым. Си напэм къыхсхуегъэзэгъыркъым, си адэ Жанхъуэт Кушыку мыбдежым къэувами. Хъуэ, сът фыхуейми сцIэни, мо Нева псым хэпкIэ жыфIэмэ, сыхэпкIэни, ауэ ар... Сэ ХъэщIэмахуэ мыгъуэ срикъани. Абы и псалъэщ: уи Iэцэ къыщипхыну уэ пцIэжыни, ауэ уи Iэцэрэ уишрэ нэгъуэщIым унафэ хуумыгъэщI, ухагъэзыхъкIэ уи Iэцэ зэкIырумых»* [Мафедзев 1998: 295]. – «Касбот, ты старше, но нет. Я не хочу войны. Но я никогда не сниму с себя оружие. Совесть не позволит. Даже если меня попросит мой отец. Я исполню любое ваше желание. Могу переплыть Неву. Но я кан Хашамахо. Его слово – для меня закон. Он говорил: «Ты сам поймешь, когда наступит время брать в руки оружие. Никогда не позволяй кому-то распоряжаться твоим конем и оружием, никто не должен повлиять на твоё решение снять оружие» (Подстр. пер. – Е.Б.).

И даже в момент, когда стоял вопрос о выживании или гибели, Джамбулат остался верен своим убеждениям. Взяв его в плен, Вельяминов предъявил ему ультиматум: предоставление оружия или неминуемая смерть. Чтобы повлиять на принципиального воина, они отправили к нему на переговоры отца. Отец обвинял сына, что он напал на противника тихо, без предупреждения. Особенно негодовал Кушук по поводу того, что он, воспитанник аталыка, допустил несвойственное кавказскому менталитету поведение. *«Уэ пцIар пцIэжрэ? Пцы лъэпкъ, пцы унагъуэ иранIыкIар, ХъэщIэмахуэ мыгъуэ игъсар, дыгъуэши, дыгъуэлIым ещхъу, цэхурыпхъуэу, гъуанэдэуэ уеуащ»* [Мафедзев 1998: 537]. – «Ты понимаешь, что делаешь? Ты княжеского происхождения. Воспитанник Хашамахо словно вор исподтишка нанес удар» (Подстр. пер. – Е.Б.). В этом эпизоде проявилась еще одна немаловажная черта кавказского менталитета. Нападение на противника сзади, так же, как и гибель от удара в спину, считавшуюся свидетельством трусости и бегства, было неприемлемо для адыгского дворянина-воина. Эти установки находят воплощение в фольклоре. Считалось ниже своего достоинства убить, подкравшись сзади. В этом эпизоде находит отражение рыцарская по своему характеру установка: сдержанность, стремление избегать конфликтов и без нужды не браться первым за оружие.

Попасть в плен – потеря чести, бесславие, которому воин-дворянин предпочитал славную смерть. «*ПаццIэм кымыхыыр жьбакIэм кыхыжкыым*» [Хагожеева 2019: 51]. – «То, что не принесли усы (мужество), борода (возраст) не принесет», – гласит народная мудрость. Джамбулат определенно понимает, что сдача оружия для него неприемлема. «Больше смерти бойся позора», гласит адыгская пословица. Более всего он боялся «потерять лицо», – лишиться чести и унижительного, оскорбительного отношения со стороны победителей. Он не рассчитывал на милость и благородство противника, рискуя своей честью. Смерть была предпочтительней для него, чем плен и рабское положение. Для воина-защитника, воспитанного на традиционных адатных нормах, такое поведение было недопустимо. Джамбулат был категоричен. Сложить оружие, убоявшись смерти, считалось бесчестьем. Его мышление абсолютно не допускало саму возможность сдаться в плен и утратить свободу. Уверенность отчаянного горца в своей правоте и собственных силах была безгранична. Ему легче было проститься с жизнью, чем позволить кому-то управлять своим оружием, или конем. Он предпочел смерть, чем сделаться зависимым и лишиться свободы. «*Щхьэгъубжэм фоч кыдэукIац. Джамболэт цхьэгъубжэр льякьукIэ кыхиудри и сэихуэ тцIанэр илыгъу кыдэлац. ИтIанэ и ныбжьэгъу Къантемыр. Шэ къатеуфаницIэм а тIури дэдэжэлац, я гуцIа уафэм етауэ*» [Мафедзев 1998: 538]. – «Из окна слышался выстрел. Джамбулат выбил ногой окно и выпрыгнул из окна с ножом. Град пуль усыпил их навсегда. А душа устремилась в небо» (Подстр. пер. – Е.Б.).

«*Лыгъэ цIанIэ лы икIуадэркыым*» («*КIуэдами, лыгъэ лэужь кьегъанэ, и цIэ кьонэ, жихуиIэц*») [Мафедзев 1998: 52]. – «В сражении настоящий мужчина не пропадет». Метафора «гуцIа уафэм етауэ» («Душа, устремившаяся в небо») позволяет автору отразить философское отношение к смерти не как к чему-то трагическому, а как к закономерности, как к итогу жизни воина, которая должна завершиться достойно, героически». Подобное отношение к гибели в бою было свойственно спартамцам, а также героям скандинавского эпоса, с той лишь разницей, что для адыгского воина не существовало другой мотивации, кроме самого факта смерти и посмертной славы, которая, быть может, будет воспета в песне и предании. Они могли выбрать эту жизнь, дрогнуть и отступить. Однако, решая экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирают смерть, делают это совершенно сознательно: слишком высока цена славы героя, которую можно оплатить только гибелью в бою. Вместе с тем это победа над смертью. Погибая, герой обретал бессмертие в ореоле славы бесстрашного воина. В отношении к смерти основной тезис черкесского мировоззрения звучит примерно так: «Все люди смертны: и трус, и герой. Различие – в их отношении к жизни и смерти». «*АжалитI цыцымьIэкIэ, а зы лэгъуэм хэлъхьэ*» [Хагожеева 2019: 51]. – «Раз двух смертей не бывает, в единственную смерть вложи мужество»; «*Лыхъужьыр зэ лэгъуэци, кьэрабгъэр тIэу лэгъуэц*» [Хагожеева 2019: 51]. – «Мужественный воин умирает один раз, трус – два раза». Героя после смерти ждет вечная слава, труса – вечный позор. Жизнь черкесского дворянина была с самого начала предрешена – это цепь сражений, заканчивающихся гибелью, достойной рыцаря. С. Мафедзев пишет: «*Шэ къатеуфаницIэм а тIури дэдэжэлац, я гуцIэ уафэм етауэ*» [Мафедзев 1998: 538]. – «Пули посыпались градом, оба воина рухнули на пол, и видно было только улетающие в небо души» (Подстр. пер. – Е.Б.). Воспеваемые в песне герои постоянно находятся в состоянии свободного выбора. Невозможно не почувствовать трагизм этого момента. Они могут выбрать жизнь, дрогнуть, отступить. Но для них нет ничего позорнее трусости. Поэтому решая эту экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирают смерть. Они делают это сознательно, отчетливо понимая, что теряют в результате этого выбора. Высока цена славы героя, которую можно оплатить только гибелью в бою. Через небытие утверждается вся полнота бытия, его предельное состояние и высший смысл. Погибая, герой обретал бессмертие в славе бесстрашного воина.

Таким образом, исторический роман С. Мафедзева открывает возможность проникнуть во внутренний мир черкесов давних времен, восстановить в сознании их потомков поколенную связь и тем самым наметить пути обретения ими утерянной идентичности.

Список источников и литературы

- Адилъ-Гирей 1980 – *Адилъ-Гирей*. Черкесы // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 49–66.
- Атажукин 1991 – *Атажукин* К. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1991. 251 с.
- Бгажноков 1983 – *Бгажноков* Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
- Бларамберг 1992 – *Бларамберг* И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. 240 с.
- Интерiano 1974 – *Интерiano* Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами: достопримечательное повествование // АБКИЕА. Нальчик, Эльбрус, 1974. С. 43–52.
- Мариньи де Тебу 1974 – *Мариньи де Тебу*. Путешествие в Черкессию // АБКИЕА, Нальчик, 1974. С. 291–327.
- Мафедзев 1998 – *Мафедзев* С.Х. Медвежьи когти: Роман. Нальчик: Эльбрус, 1998. 542 с.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев* А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
- Торнау 1992 – *Торнау* Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // Адыги: культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 4. С. 3–43.
- Хагожеева 2019 – *Хагожеева* Л.С. Адыгская феодальная знать по материалам фольклора. Нальчик: Принт Центр, 2019. 268 с.
- Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкессии. Нальчик: Эльбрус, 1989. 300 с.

References

- ADIL'-GIREI. *Cherkesy* [Circassians]. IN: Izbrannye proizvedeniya adygskikh prosvetitelei [Selected works of the Adyghe enlighteners]. Nal'chik: Ehl'brus, 1980. P. 49–66. (In Russian)
- ATAZHUKIN K. *Izbrannoe* [Favourites]. Nal'chik: Ehl'brus, 1991. 251 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.KH. *Ocherki ehntografii obshcheniya adygov* [Essays on the ethnography of Adyghe communication]. Nal'chik: Ehl'brus, 1983. 232 p. (In Russian)
- BLARAMBERG I. *Kavkazskaya rukopis'* [The Caucasian Manuscript]. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 1992. 240 s. (In Russian)
- INTERIANO Dzh. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami: dostoprimechatel'noe povestvovanie* [The life and country of the Zikh, called Circassians: an interesting narrative]. IN: ABKIEA. Nal'chik, Ehl'brus, 1974. P. 43–52. (In Russian)
- MARIN'I de Tebu. *Puteshestvie v Cherkesiyu* [A trip to Circassia] // ABKIEA, Nal'chik, 1974. P. 291–327. (In Russian)
- MAFEDZEV S.KH. *Medvezh'i kogti: Roman* [Bear Claws: A Novel]. Nal'chik: Ehl'brus, 1998. 542 p. (In Russian)
- MIRZOEV A.S. *Genezis i ehvolyutsiya traditsionnoi voennoi kul'tury cherkesov (Srednevekov'e – Novoe vremya)* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages – Modern Times)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. 400 p. (In Russian)
- TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer]. IN: Adygi: kul'turno-istoricheskii zhurnal [Adygi: cultural and historical journal]. Nal'chik, 1992. № 4. P. 3–43. (In Russian)
- KHAGOZHEEVA L.S. *Adygskaya feodal'naya znat' po materialam fol'klora* [The Adyghe feudal nobility based on folklore materials]. Nal'chik: Print Tsentr, 2019. 268 p. (In Russian)
- KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Nal'chik: Ehl'brus, 1989. 300 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.